

U $\frac{269}{1205}$

227

У 263
1205

0

ПАМЯТНИКЪ ВЪ КРОНШТАДТЪ

АДМИРАЛУ ВАДДЕЮ ВАДДЕЕВИЧУ

БЕДЛИНГСТАУЗЕНУ.

Ф. Д. Нордмана.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1877.

~~558~~ ~~2579~~ ~~2579~~

И 269
1205

О

ПАМЯТНИКЪ ВЪ КРОНШТАДТЪ

АДМИРАЛУ ВАДДЕЮ ВАДДЕЕВИЧУ

БЕЛЛИНГСТАУЗЕНУ.

О. Д. Нордмана.

СП-12018

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,

ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.

1877.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 11 Марта 1877 г.

31074-45

2007079510

К Н И Г А   И М Е Е Т

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№	списка и порядковый 1955 г.
3						0	388.	861

627/16—250 тыс.

13

О

ПАМЯТНИКЪ ВЪ КРОНШТАДТѢ

АДМИРАЛУ

ОАДДЕЮ ОАДДЕЕВИЧУ

БЕЛЛИНГSGAУЗЕНУ (*).

I.

Предложеніе отставнаго морскаго офицера, графа Ламздорфа—почтить памятникомъ нашего въ свое время отважнаго полярнаго мореплавателя, впослѣдствіи времени адмирала, главнаго командира и военнаго губернатора Кронштадта, Оаддея Оаддеевича Беллингсгаузена, было принято моряками съ теплымъ сочувствіемъ. Лишь только слухъ о томъ распространился, какъ многіе дружно заявили свое желаніе, чтобы это прекрасное вчинаніе графа Ламздорфа осуществилось.

(*) Составлено по статьямъ, помѣщеннымъ въ Кроншт. Вѣстн. 1868—1870 гг.

Заслуги адмирала Беллинггаузена, какъ кругосвѣтнаго въ полярныхъ странахъ плователя, извѣстны.

Въ предложеніи предсѣдателя морскаго ученаго комитета, Голенищева-Кутузова, въ 1827 г., о напечатаніи на счетъ правительства путешествія Беллинггаузена «Двукратныя изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ» говорится: «Его дѣйствія были совѣмъ въ другихъ странахъ, не однимъ изъ русскихъ мореплавателей неприкосновенныхъ. Онъ простиралъ изысканія за южный полярный кругъ, среди льдовъ, противодѣйствовалъ крѣпкимъ вѣтрамъ, при туманахъ, вѣтрахъ и морозахъ; прекратилъ изысканія тогда только, когда встрѣтилъ непреодолимыя ледяныя громады, между коими продолжалъ дѣйствовать три мѣсяца. На зимнее время пошелъ въ меньшія широты, но вскорѣ возвратился къ тѣмъ-же многотруднымъ изысканіямъ; продолжалъ оныя среди тѣхъ-же препятствій отъ льдовъ и погодъ въ теченіи еще трехъ мѣсяцевъ и тогда только пошелъ въ обратный путь, когда увидѣлъ совершенную невозможность простирать плаваніе далѣе» (*).

Въ означенномъ описаніи путешествія Беллинггаузена между прочимъ сказано: (**)

«Въ продолженіи плаванія нашего обрѣтено двадцать

(*) По Высочайшему повелѣнію было ассигновано на напечатаніе «Двукратныхъ изысканій» 38032 руб. ассигнаціями, отпущенныхъ изъ кабинета Его Величества. Изданіе было обращено въ пользу Беллинггаузена.

(**) См. Описаніе путешествія Беллинггаузена.

девять острововъ (*) и одна коральная мель съ лагуномъ; въ томъ числѣ девятнадцать въ жаркомъ поясѣ, въ южномъ умѣренномъ—восемь, и въ южномъ холодномъ—два. Послѣдніе открыты въ 1821 году, въ январѣ мѣсяцѣ. Островъ, названный мною именемъ виновника существованія въ Россійской Имперіи военнаго флота—Петра I, находится въ широтѣ южной $68^{\circ} 57'$, долготѣ западной $90^{\circ} 46'$, а нѣсколько восточнѣе открытый и обозрѣнный берегъ, названъ именемъ виновника этой экспедиціи — берегомъ Государя Императора Александра I. Я называю обрѣтеніе сіе берегомъ, писалъ Беллингсгаузенъ, потому, что отдаленность другаго конца къ югу исчезла за предѣлъ нашего зрѣнія».

«Памятники, воздвигнутые великимъ людямъ, изгладятся съ лица земли всеистребляющимъ временемъ; но островъ Петра I и берегъ Александра I памятники современные міру, останутся вѣчно неприкосновенны отъ разрушенія и предадутъ высокія имена позднѣйшему потомству».

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, командуя шлюпомъ «Мирный» и состоя въ отрядѣ Беллингсгаузена, который имѣлъ свой брейдъ-вымпелъ на шлюпѣ «Востокъ», питалъ къ нему большое уваженіе и удивлялся его

(**) Востокъ, Великій Князь Александръ Николаевичъ, Оно, Михайловъ, Симановъ, Трехъ братьевъ, Мордвиновъ, Шишковъ, Рожновъ, острова Маркиза-де Траверсе, острова Россіанъ, Петра и Александра.

смѣлому плаванію во льдахъ. Въ послѣдствіи-же времени, вспоминая Оаддея Оаддеевича, не называлъ его иначе какъ искуснымъ, неустрашимымъ морякомъ, и къ этому не могъ не прибавить, что онъ былъ отличный, теплой души человѣкъ.

Англійскій картографъ Аросмита, въ своемъ позднѣйшемъ изданіи всесвѣтной меркаторской карты, нанесъ на оную только пути кругосвѣтныхъ плавателей: Кука, Беллингсгаузена, Дюрвиля, Бизюе, Росса и Кемпа.

Вотъ что говорить извѣстный ученый нѣмецкій географъ Петерманнъ о покойномъ адмиралѣ (*):

«Послѣ вѣнскаго мира 1815 года, Императору Александру угодно было указать путь цѣлому ряду морскихъ ученыхъ экспедицій, съ которыми, по ихъ высоконаучному значенію, едва-ли что могло сравниться въ прошломъ... Имена Крузенштерна, Коцебу, Литке, Врангеля и Анжу—звѣзды первой величины на географическомъ небосклонѣ... Къ помянутымъ экспедиціямъ слѣдуетъ причислить и экспедицію въ Антарктическое море подъ начальствомъ Баллингсгаузена.

«Плаваніе Беллингсгаузена специально къ южному полюсу высоко ставить русскій ученый смыслъ, потому особенно, что экспедиція Беллингсгаузена предпринята была среди обстоятельствъ, совершенно непохожихъ на нынѣшнія».

(*) См. Mittheilungen Петерманна 1863 г. Ergänzungsheft, № 16, стр. 3-я столб. 2-й статья «Spitzbergen und die arktische Polar-Region».

«До Беллингсгаузена царило во всей силѣ мнѣніе англійскаго мореплавателя Кука, что приблизиться къ южному полюсу дальше, чѣмъ то сдѣлалъ онъ, Кукъ, нѣтъ никакой возможности; что за рубежомъ, котораго достигъ Кукъ, нечего искать, нечего открывать.

«Этому-то многозначительному рѣшенію величайшаго мореплавателя своего времени осмѣлился пойти на перекоръ русскій капитанъ (Беллингсгаузенъ), плывшій прямо изъ Балтійскаго моря къ тому поприщу, которое было обрисовано Кукомъ самыми мрачными красками, — поприщу, гдѣ, по словамъ Кука, могли встрѣтиться лишь трудности, да сама невозможность.

«По моему мнѣнію (говорить Петерманнъ), эти заслуги русской экспедиціи, которою начальствовалъ Беллингсгаузенъ, до сихъ поръ еще не были оцѣнены во всемъ ихъ значеніи.

«Такой громадной поверхности земнаго шара, какую привелъ въ извѣстность Беллингсгаузенъ, не удавалось обследовать еще никому изъ мореплавателей послѣ него.

«Такъ, большая французская экспедиція d'Urvill'я обследовала (1837—40 г.) 3200 нѣм. кв. миль.

«Еще большая американская экспедиція Вилькса—12000 нѣм. кв. миль.

«Все англійскія экспедиціи: Ведделя (Weddell), Биское, Кемпа, Беллени (Balleny), Росса и Мура (1822—1845 г.)—123000 нѣм. кв. миль.

«Беллингсгаузенъ—214000 нѣм. (геогр.) кв. миль.

«Но эта заслуга Беллингсаузена еще наименьшая. Важнѣе всего то, что онъ безстрашно пошелъ противъ вышеуказаннаго рѣшенія Кука, царившаго во всей силѣ въ продолженіи 50 лѣтъ и успѣвшаго уже прочно укрѣпиться.

«За эту услугу имя Беллингсаузена можно прямо поставить на ряду съ именами Колумба, Магеллана, Джемса Росса и друг., съ именами тѣхъ людей, которые не отступали передъ трудностями и воображаемыми невозможностями, созданными ихъ предшественниками съ именами людей, которые шли своимъ самостоятельнымъ путемъ, и потому были разрушителями преградъ къ открытіямъ, которыми обозначаются эпохи.»

Петерманнъ правъ, признавая въ путешествіи Беллингсаузена къ южному полюсу эпоху въ области географическихъ знаній. Беллингсаузенъ свои плаванія 1819—21 г. ознаменовалъ открытіемъ двухъ земель въ области южнаго полярнаго круга. Прорвавъ поясъ непроницаемыхъ льдовъ и указавъ присутствіе суши въ антарктическомъ поясѣ, нашъ знаменитый адмиралъ повелъ за собою цѣлый рядъ изслѣдованій—американскихъ, англійскихъ и французскихъ. Всѣ эти изслѣдованія кончились открытіемъ цѣлаго ряда земель, составляющихъ, быть можетъ, берега южно-полярнаго новѣйшаго свѣта. Чтобъ придти къ такому заключенію, стоитъ взглянуть на карту обширной Вильксовой земли (открытой въ 1840 г.) и земли Викторія открытой Дж. Россомъ въ 1841 г., на который Россъ видѣлъ

подъ 78° южной широты двѣ превеликихъ горы Терроръ (10884 ф.) и Эребусъ (12367 ф.) и при томъ Эребусъ находился въ состояніи изверженія.

Служебная карьера Оаддея Оаддеевича была весьма разнообразна (*). При всѣхъ назначеніяхъ по службѣ

(*) Родился въ 1779 году 17 Августа, по 10 году былъ опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ, и выпущенъ мичманомъ въ 1797 году. Въ 1798, 99, 1800, 1801 г.г. служилъ на разныхъ военныхъ судахъ: транспортѣ «Аліаксъ» и кораблѣ «Елена»; транспортѣ «Маргарита», фрегатѣ «Семіонъ», на кораблѣ «Сысой Великій» и люгерѣ «Великій Князь». Въ 1802 и 1803 гг. на кораблѣ «Благодать». Въ 1804, 1805 и 1806—на шлюпѣ «Надежда», подъ командою капитанъ-лейтенанта Крузенштерна, въ первомъ русскомъ кругосвѣтномъ плаваніи. Въ лейтенанты произведенъ въ 1804, а въ кап.-лейтенанты 1806 г. Въ 1807 и 1808 г.—на эскадрѣ адмирала Ханькова, на фрегатѣ «Тихвинская Богородица». Далѣе—въ 1809 г. на корветѣ «Мельпомена», въ 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 на фрегатѣ «Минерва» въ Черномъ морѣ; 1818 и 1819 (капитан. 2 ранга) на фрегатѣ «Флора» и въ этомъ-же году отправился въ кругосвѣтное плаваніе, имѣя подъ командою шлюпы: «Востокъ» и «Мирный»; кампанія продолжалась съ 1-го іюня 1819 по 16 августа 1821 года. По приходѣ изъ вояжа награжденъ былъ чинами *капитана 1-го ранга и капитанъ-командора* и назначенъ командиромъ 15-го флотскаго экипажа. Въ 1826 г. произведенъ въ *контръ-адмирала* и назначенъ временнымъ членомъ комитета образованія флота, и въ томъ же году исправляющимъ должность дежурнаго генерала при морскомъ министерствѣ и генераль-цейхмейстеромъ. Въ этомъ же году—начальникомъ эскадры Средиземнаго моря, состоявшей изъ корабля «Царь Константинъ» и фрегата «Елена». Въ 1827 году командиромъ гвардейскаго

онъ отличался и вполне оправдалъ высокое мнѣніе о немъ флота. Какъ адмирала видѣли мы его во главѣ нашихъ парусныхъ эскадръ. Многозаботная и усердная служба его, какъ главнаго командира и военнаго губернатора Кронштадта, приобрѣла ему высокую до-

---

экипажа и бригаднымъ командиромъ экипажей въ С.-Петербургѣ. Въ 1828 г. выступилъ съ гвардейскимъ корпусомъ въ Тульчинъ, Псаки, до города Коварна. При раскомандировкѣ экипажа по кораблямъ эскадры адмирала Грейга, поступилъ на корабль «Пармень», на которомъ, съ 13 по 21 сентября, былъ въ военномъ дѣлѣ противъ крѣпости «Варна», а послѣ сего, исполнивъ разныя порученія, прибылъ въ Севастополь. Въ 1829 году, имѣя свой флагъ на кораблѣ «Парижъ», какъ начальникъ эскадры кордебаталіи Черноморскаго флота,—исправлялъ должность флотскаго начальника въ Севастополѣ. Въ 1830 г. съ гвардейскимъ экипажемъ пошелъ берегомъ въ Петербургъ и въ томъ же году произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ начальникомъ 2-й флотской дивизіи, съ которою плавалъ съ 1831 г. по 1838 г. въ Финскомъ заливѣ и Балтійскомъ морѣ. Въ 1837 году получилъ одновременно 6 т. р. и аренду 2000 р. Состоялъ главнымъ командиромъ и военнымъ губернаторомъ Кронштадта, съ 1839 по 1852 годъ. Въ это же время былъ Высочайше назначаема: въ 1841, 1843 и 1845 гг. начальникомъ соединенныхъ дивизій флота. Въ 1843 г. произведенъ въ адмиралы. Въ 1846 награжденъ орденомъ Владиміра 1-й степени (*). Въ 1847 назначенъ состоять при Особѣ Его Величества. Въ 1851 еще разъ—начальникомъ соединенныхъ дивизій. Въ 1852 г. января 13 дня скончался.

(*) Въ этой выпискѣ изъ формуляра адмирала Беллингегаузена означены только послѣднія награды.

вѣрность въ Божѣ почившаго Императора Николая Павловича, и служебная его дѣятельность была вознаграждена въ послѣдніе годы высокимъ отличіемъ, имѣть честь состоять при особѣ Его Величества. Всѣ сооруженія въ Кронштадтѣ въ то кипучее время, когда Государь Николай Павловичъ по нѣскольکو разъ въ недѣлю посѣщалъ этотъ портъ, производились при немъ. Онъ былъ участникомъ и двигателемъ этихъ обширныхъ предначертаній (доки, форты, пароходный заводъ и корабли). Служебныя занятія поглощали его время совершенно, такъ что казалось онъ имѣлъ на свою долю только часы отдыха. Но нѣтъ! его теплая душа требовала еще усиленной дѣятельности другого рода. Онъ думалъ о меньшихъ братіяхъ нашихъ — матросахъ, которыхъ положеніе онъ желалъ значительно улучшить. Лишь только денная служебная дѣятельность адмирала была покончена, возвращался онъ и къ другой любимой имъ идеѣ: изыскать средство украсить этотъ служебный городъ, гдѣ только можно было, деревьями и зеленью. Эти предположенія позволялъ онъ себѣ, при посѣщеніяхъ Государемъ Императоромъ Кронштадта, повергать на милостивое Его Величества воззрѣніе. Вѣроятно немногимъ извѣстно, что небольшой мѣстности Лѣтняго сада готовилось другое назначеніе, въ послѣдствіи отмѣненное по убѣдительной просьбѣ того, котораго искреннее желаніе было, чтобы населяющіе этотъ городъ большею частью морскіе офицеры и чины флота, возвращаясь изъ крейсерства и

другихъ плаваній, при вступленіи на Кронштадтскій берегъ, были порадованы тѣнью деревь и зеленью. Его заботливостію начали являться скверы; аллеи устроены во многихъ мѣстахъ; окраины Петровской площади начали давать тѣнь; на мѣстахъ розданныхъ самимъ адмираломъ, сажались съ корнями въ глыбахъ земли огромныя деревья; загородныя дачи подымались какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, и тамъ образовалась колонія изъ тѣхъ морскихъ чиновъ, которые и лѣтомъ не могутъ оставлять Кронштадта. Надъ подарившею жизнь многимъ труднымъ больнымъ,—госпитальною дачею въ Ораніенбаумѣ, трудился онъ съ 1843 года до послѣдняго времени его жизни. Много лѣтъ, преодолевая множество препятствій, хлопоталъ онъ объ устройствѣ этого благодѣтельнаго по сіе время учрежденія. И если-бы онъ ничего болѣе не сдѣлалъ для флота, какъ эту одну услугу, то и тогда бы онъ былъ достоинъ, чтобы бюстъ его красовался тамъ,—мысль, впервые выраженная однимъ изъ всегда правдивыхъ въ своихъ взглядахъ, докторомъ М., благоговѣвшимъ предъ создателемъ этого богоугоднаго заведенія. Отъ длинной на одну версту, но по своей ширинѣ безобразной улицы, между обводнымъ каналомъ и офицерскими флигелями, гдѣ десятки лѣтъ выгружались дрова,—была отрѣзана половина ширины, и на этомъ мѣстѣ сдѣланъ скверъ, дабы отѣнить эту мѣстность, предназначенную для гуляній. Извѣстно, что самъ Государь интересовался имъ и что сибирскіе

тополи, въ сожалѣнію нынѣ пропадающіе, были подарены Его Величествомъ изъ садовой школы Московскаго Александрійскаго сада. По неустройству сначала, по срединѣ, настоящей прямой аллеи для гуляній, скверъ этотъ публикою не посѣщается частью и потому, что рабочій людъ, попадаясь массами на встрѣчу и видя лишь легкую преграду, проложилъ себѣ по скверу, черезъ низенькую ограду, кратчайшій путь, не разбирая дорогъ, ни кустовъ, ни деревьевъ. Тамъ только играютъ дѣти, которымъ въ Лѣтній садъ далеко, и родители которыхъ, большею частью жители офицерскихъ флигелей, не желаютъ терять дѣтей изъ виду. Привести этотъ скверъ въ должный порядокъ и обезпечить его существованіе не успѣлъ адмиралъ при своей жизни. Нынѣ скверъ зависитъ отъ инженернаго вѣдомства, которое, не имѣя никакихъ на содержаніе его ассигнованныхъ денегъ, не можетъ даже поддерживать и простую деревянную ограду, и скверу грозитъ уничтоженіе (*). При возникшемъ нынѣ вопросѣ о томъ: если разрѣшено будетъ поставить Ѳаддею Ѳаддеевичу памятникъ, то гдѣ именно? многіе изъ почитателей покойнаго адмирала полагали, если, по точнѣйшему обсужденію вопроса объ удобнѣйшей для того мѣстности, не окажется другой болѣе открытой, — то приличнымъ для того мѣстомъ былъ бы этотъ скверъ, въ

(*) Нынѣ (1863 г.) скверъ этотъ съ проведенными дорожками, обсаживается деревьями, и вообще приняты мѣры къ его сохраненію и улучшенію.

возобновленномъ видѣ. Поставить же памятникъ въ Лѣтнемъ саду, конечно, несравненно лучше первоначальнаго предложенія, указавшаго на госпитальную дачу въ Ораніенбаумѣ, ибо адмиралъ со своимъ семействомъ охотно занималъ домикъ Петра Великаго, окруженный множествомъ растений и цвѣтовъ, и наслаждался въ этомъ саду лѣтомъ. Тамъ сосредоточивались его думы, какъ бы украсить Кронштадтъ, служащій представителемъ русскихъ городовъ для иностранцевъ, которые лѣтомъ со всѣхъ сторонъ свѣта стекаются къ нему на своихъ пароходахъ и корабляхъ. Онъ расширилъ и украсилъ садъ, руководя самъ работами. Кто же въ этомъ саду, расположенномъ совершенно въ сторонѣ, увидитъ памятникъ, поставленный въ честь адмирала? Едва-ли кто, кромѣ ищущихъ развлеченій лѣтомъ молодыхъ людей, связанныхъ службою съ Кронштадтомъ, и праздничныхъ посѣтителей сада. Пріѣзжіе, желающіе обзрѣть нашъ главный портъ, едва-ли дадутъ себѣ время посѣтить нашъ миниатюрный садъ. Поставьте же этотъ памятникъ на вновь проектированной въ скверѣ аллеѣ, которая была бы и украшеніемъ Кронштадта, тогда памятникъ этотъ будетъ видѣнъ всѣмъ почетнымъ посѣтителямъ, которымъ показываютъ портъ, и всѣмъ лицамъ проѣзжающимъ или проходящимъ по этой улицѣ. Моряки всѣхъ націй видѣли бы какъ заслуженному мореплавателю, имя котораго пріобрѣло европейскую извѣстность, воздана отъ современниковъ должная призна-

тельность. Сослуживцы, видя памятникъ своего высокочтимого начальника, приводили бы себѣ на память лучшіе годы нашего паруснаго флота (*), вспоминали бы историческое торжество на Кронштадтскомъ рейдѣ, когда весь Балтійскій флотъ изъ 27 линейныхъ кораблей, не считая фрегатовъ, пароходовъ и мелкихъ судовъ, имѣя во главѣ своей самого Императора на пароходѣ подъ штандартomъ, громко привѣтствовалъ своего пра-дѣда—ботикъ Петра Великаго, а сто-тридцати-трехъ-лѣтній Кронштадтъ, иллюминированный флагами всѣхъ націй, въ виду высыпавшаго на стѣнки населенія,

---

(*) «Ты мастеръ своего дѣла», сказалъ Государь однажды адмиралу, когда тотъ, на маневрахъ у Гогланда, съ двумя дивизіями (18 лин. кораблями) можно сказать волтижировалъ своими эскадрами, заставляя иногда корабли маневрировать въ одномъ или 1½ кабельтовыхъ (сто или полтора саженъ разстоянія другъ отъ друга). Кому изъ насъ, бывшихъ тогда командирами кораблей, при этихъ отъ насъ требовавшихся быстрыхъ и смѣлыхъ движеніяхъ, ни памятно это время! Въ 1846 году, на такихъ маневрахъ состоялъ я, по Высочайшему повелѣнію, при эскадрѣ шведскаго адмирала Нордешельда, на которой въ то время присутствовалъ, въ чинѣ лейтенанта, нынѣ царствующій король шведскій Оскаръ. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ не выпускалъ онъ трубу изъ рукъ и былъ изумленъ всѣми движеніями нашихъ кораблей, начиная отъ снятія съ якоря съ двухъ якорей двухъ дивизій, при противномъ западномъ вѣтрѣ съ Кронштадтскаго рейда. На маневрахъ поразили его множество сигналовъ, за которыми тотчасъ слѣдовало исполненіе. Убѣдившись во всемъ этомъ своими глазами, онъ вскрикнулъ: «я держу пари съ кѣмъ угодно, что этихъ эволюцій не сдѣлаеть не единый флотъ Европы.»

Ө. Д. Н.

преклонился предъ этою священою для флота старою. Этотъ праздникъ былъ самымъ блистательнымъ знакомъ любви покойнаго Государя Императора Николая I къ своему флоту.

А проходящіе мимо памятника матросы, можетъ быть по преданію или со словъ старожиловъ, скажутъ другъ другу: «этотъ главный командиръ и насъ любилъ, какую онъ нашимъ больнымъ построилъ дачу-то въ Рамбовѣ». По его милости мы пьемъ чистую воду изъ фонтановъ, что онъ-же приказалъ сдѣлать, а наши огороды—тоже его дѣло, знатно помогаютъ въ артель. Нечего сказать, братцы! видно, что онъ былъ хорошій начальник (*) и душа добрая (**).

Отрадно было бы намъ, старикамъ, увидѣть въ приличномъ исполненіи благую мысль графа Ламздорфа, и утѣшительна наша увѣренность въ томъ, что если это желаніе моряковъ осчастливится вниманіемъ высшаго начальства (***) и будетъ разрѣшена подписка,—

(*) Во время его кругосвѣтнаго плаванія къ южнымъ полярнымъ странамъ, продолжавшагося два года, не былъ имъ ни единый матросъ наказанъ тѣлесно.

(**) Послѣ смерти Фаддея Фаддеевича нашли на письменномъ столѣ его записку слѣдующаго содержанія: Кронштадтъ надо обсадить такими деревьями, которыя цвѣли бы прежде чѣмъ флотъ пойдетъ въ море, дабы и на долю матроса досталась частица лѣтняго древеснаго запаха.

(***) На всеподданиѣйшее представленіе высшаго морскаго начальства о заявленномъ значительнымъ числомъ лицъ морскаго вѣдомства, желаніи соорудить въ г. Кронштадтѣ памятникъ адмиралу Ф. Ф. Беллинггаузену, послѣ-

на которую уже многими сослуживцами покойнаго адмирала изъявлена полная готовность,—то явятся деньги со многихъ мѣстъ Россіи, гдѣ доживаютъ свой вѣкъ заслуженные моряки, знавшіе Оаддея Оаддеевича. Да вѣроятно и молодое поколѣніе, котораго современемъ тоже не пощадить старость, но которое, нынѣ юное, способище насъ увлекаться добрымъ дѣломъ, не откажется принести свою лепту на память бывшаго нѣкогда отличнымъ юнымъ морякомъ, а впоследствии благодѣтельнымъ старцемъ, оставившимъ по себѣ очевидную для нихъ память въ Кронштадтѣ.

Кронштадтское купечество и граждане, вѣроятно помня, какъ ихъ покойный военный губернаторъ хлопоталъ объ украшеніи и удобствахъ города, почтять его память.

А быть можетъ откликнется на это предложеніе и лица не морскія, но любящія славу русскаго флота. Ихъ не мало въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Тогда, если матеріальныя средства дозволятъ, возможно будетъ обратить вниманіе на скверъ адмирала Беллингаузена. Онъ воскреснетъ, воцарится въ немъ порядокъ. Кронштадтскіе жители, ихъ дѣти, иностранные гости оживятъ эту мѣстность и памятникъ адмирала, виновника многого добра, сдѣланнаго этому при немъ возобновленному главному морскому городу, будетъ почетнымъ стражемъ этого сквера. Мы же, его почита-

---

довало, въ 8-й день апрѣля 1868 г., Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

тели, содѣйствуя къ исполненію желанія многихъ, отдадимъ этимъ нашъ долгъ знаменитому русскому мореплавателю, адмиралу и полезному гражданину Кронштадта.

II.

Въ списокѣ главныхъ командировъ Кронштадтскаго порта, съ изложеніемъ краткихъ ихъ некрологовъ, помѣщ. въ Кроншт. Вѣстникѣ (1868 г.) П. К. Зейде-лемъ, объ Адмиралѣ Оаддеѣ Оаддеевичѣ Беллингсгаузенѣ, занимавшемъ этотъ постъ съ 1839 по 1852 годъ, между прочимъ, читаемъ: Будучи еще гардема-риномъ, Оаддей Оаддеевичъ дважды ходилъ въ Англію. Раннею весною 1801 года онъ служилъ на люгерѣ «Великій Князь Михаилъ», подъ командою капитанъ-лейтенанта Рожнова, который отвозилъ депеши изъ Ревеля къ Копенгагенъ, вице-адмиралу лорду Нельсону. Въ 1803 году, онъ имѣлъ счастье быть назначеннымъ въ первую кругосвѣтную экспедицію русскихъ и поступилъ на фрегатъ «Надежда», подъ командою капитанъ-лейтенанта Крузенштерна. Путешествіе это, продолжавшееся три года, положило прочное основаніе образованію Оаддея Оаддеевича Беллингсгаузена какъ искуснаго мореплавателя, ибо онъ преимущественно занимался составленіемъ морскихъ картъ. Въ 1804 году, находясь еще въ вояжѣ, онъ произведенъ былъ въ лейтенанты, а по возвращеніи изъ онаго, въ

августъ 1806 года, въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1808 году служилъ онъ въ эскадрѣ адмирала Ханыкова, командиромъ фрегата «Тихвинская Богородица», и въ этой кампаніи испыталъ, хотя и не лично, неудачу военно-морскаго поприща, когда эскадра въ сентябрѣ мѣсяцѣ стояла въ Балтійскомъ портѣ и была блокируема соединенными шведскою и англійскою эскадрами.

Въ слѣдующую кампанію Оаддей Оаддеевичъ Беллингегаузенъ былъ командиромъ корвета «Мельпомена» и, по случаю бывшаго тогда разрыва съ Англіею, крейсеровалъ въ Финскомъ заливѣ ровно шесть морскихъ мѣсяцевъ, между островами Сескаремъ и Гогландомъ; у послѣдняго почти во все лѣто были непріятельскія суда, основавшія тутъ свою лѣтнюю станцію.

Въ 1812 году онъ былъ переведенъ въ черноморскій флотъ и назначенъ командиромъ фрегата «Минерва», на которомъ ходилъ пять кампаній для исполненія разныхъ порученій, какъ то: для практики съ гардемаринами, для перевоза войскъ въ Сухумъ-Кале, для крейсерства у Абхазскихъ береговъ, и наконецъ, осенью 1816 года, отвезъ посланника нашего, тайнаго совѣтника барона Строганова, изъ Одессы въ Константинополь, куда прошелъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, прямо, не останавливаясь въ Босфорѣ за испрошеніемъ разрѣшенія.

Въ 1818 году принялъ въ команду построенный въ Николаевѣ фрегатъ «Флора», который привелъ въ Севастополь и въ слѣдующую весну ходилъ на немъ въ

Одессу и обратно. Въ этомъ-же году былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ начальникомъ экспедиціи въ Южный Ледовитый Океанъ. Ему ввѣрены были для этого плаванія два военные шлюпа «Востокъ» и «Мирный». Первымъ командовалъ онъ самъ, а вторымъ—лейтенантъ, знаменитый впослѣдствіи адмиралъ, Михаилъ Петровичъ Лазаревъ. Съ небольшимъ въ два года совершили они замѣчательное антарктическое плаваніе: были троекратно за полярнымъ кругомъ, дополняя изслѣдованія знаменитыхъ плавателей Кука, Лаперуза и Фюрно, но не слѣдовали путемъ ихъ, а, напротивъ, ходили по новымъ еще никѣмъ не посѣщенныхъ мѣстамъ океана. Они достигли 70° южной широты. Труды и опасности, особенно плавая во льдахъ, были значительны. Экспедиціею открыты 28 острововъ и одна коралловая мель, на которой едва не потерпѣли крушенія, почему ей и дано названіе «Берегись». Вообще, гидрографія антарктическая, послѣ Кука, сдѣлала большой шагъ впередъ и обогатилась трудами Беллингсаузена. 24 Юля 1821 г., капитанъ Беллингсаузенъ возвратился въ Кронштадтъ, пробывъ въ отсутствіи 751 день, изъ которыхъ 527 былъ подъ парусами.

Послѣ вояжа, Фаддей Фаддеевичъ Беллингсаузенъ два года командовалъ 15 флотскимъ экипажемъ, а потомъ три года исправлялъ должность дежурнаго генерала морскаго министерства и генераль-цейхмейстера морской артиллеріи.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1826 года, былъ онъ посланъ съ гвардейскимъ экипажемъ въ Средиземное море начальникомъ отряда, состоявшаго изъ корабля «Царь Константинъ» и фрегата «Елена». Плаваніе простиралось до Тулона. Въ эту кампанію получилъ онъ чинъ контръ-адмирала, а по возвращеніи послѣ девятимѣсячнаго плаванія, въ іюлѣ 1827 года, назначенъ командиромъ гвардейскаго экипажа, съ которымъ, въ апрѣлѣ слѣдующаго года, отправился сухимъ путемъ въ Турцію. По прибытіи къ Варнѣ, августа 17-го, гвардейскій экипажъ размѣщенъ былъ на флотѣ, а контръ-адмиралъ Беллингсгаузенъ, по распоряженію адмирала Грейга, поднялъ свой флагъ на кораблѣ «Пармень», съ которымъ и находился въ дѣйствіяхъ нашего флота противъ Варны, до взятія ея 29-го сентября. Послѣ того отвозилъ больныхъ и раненыхъ въ Одессу, и наконецъ, орудія и снаряды, взятые съ флота на берегъ для осады крѣпости, свезъ въ Севастополь. Тамъ временно исправлялъ должность флотскаго начальника. Кампанію 1829 года дѣлалъ со своимъ экипажемъ на 110-ти пушечномъ кораблѣ «Парижъ», подъ главнымъ начальствомъ адмирала Грейга. Въ іюлѣ слѣдующаго 1830 года, онъ возвратился съ гвардейскимъ экипажемъ сухимъ путемъ въ С.-Петербургъ, и 6-го декабря того-же года былъ произведенъ въ вице-адмирала, съ назначеніемъ начальникомъ 2-й флотской дивизіи.

Съ того времени Беллингсгаузенъ почти ежегодно

былъ съ дивизіею въ Балтійскомъ морѣ для практическихъ крейсерствъ, до назначенія своего, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1839 года, главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта и военнымъ губернаторомъ города Кронштадта. Въ 1843 году онъ былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ, а 10 октября пожалованъ въ адмиралы. Въ 1847 году, при исполнившемся, 1-го мая, пятидесятилѣтіи его офицерства, назначенъ состоять при особѣ Его Императорскаго Величества, исправляя прежнія должности, и пожаловано ему на эполеты вензелевое изображеніе имени Государя Императора.

О.О. Беллингсгаузенъ былъ, кромѣ того, временнымъ членомъ бывшаго комитета образованія флота и непрѣннымъ членомъ морскаго ученаго комитета, съ преобразованиемъ котораго въ 1848 году назначенъ почетнымъ членомъ онаго. Членомъ Императорскаго Русскаго географическаго общества былъ избранъ съ самаго образованія онаго въ 1845 году.

Кронштадтъ своимъ украшеніемъ много обязанъ Беллингсгаузену; лучшія зданія и сооруженія возведены во время его управленія, какъ-то, парходный заводъ, сухой докъ, устройство фонтановъ, перестройка офицерскихъ и служительскихъ флигелей; по его же представленію и ходатайству увеличенъ лѣтній садъ и сдѣланы во многихъ мѣстахъ бульвары и скверы, и наконецъ не задолго до своей кончины, онъ построилъ въ лѣтнемъ саду домикъ, на подобіе *Саардамскаго Петровскаго* домика.

Оаддей Оаддеевичъ Беллинггаузенъ скончался 13 января 1852 года, на 73 году отъ роду.

III.

Предсѣдательствующій въ Комитетѣ по сооруженію памятника адмиралу Беллинггаузену, вице-адмиралъ Нордманъ 1, спѣшитъ сообщить всѣмъ господамъ участвующимъ въ денежной подпискѣ на сооруженіе сего монумента, что модель памятника Беллинггаузену была представлена на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе 26-го мая 1868 года, въ царскосельскомъ дворцѣ, Его Императорскимъ Высочествомъ Генералъ-Адмираломъ, причемъ имѣли счастье находиться предсѣдательствующій комитета и художникъ Шредеръ, составившій модель. Государь Императоръ, взглянувъ на нее, тотчасъ узналъ Оаддея Оаддеевича и благоволилъ спросить художника, чѣмъ онъ руководствовался для достиженія такого поразительнаго сходства? Разсмотрѣвъ модель, Государь Императоръ соизволилъ указать, чтобы адмирала Беллинггаузена изобразить на памятникѣ въ современномъ его службѣ вицъ-мундирѣ гвардейскаго экипажа, которымъ онъ нѣкогда командовалъ.

Нынѣ, велѣдъ за объявленнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ о сооруженіи памятника адмиралу Беллинггаузену, предсѣдательствующій комитета, поздравляя всѣхъ господъ участвующихъ въ подпискѣ на этотъ памятникъ съ осуществленіемъ ихъ желанія, вмѣстѣ съ тѣмъ доводитъ до ихъ свѣдѣнія, что когда г.

Шредеръ въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ сформируетъ колоссальную модель, а литейщикъ Моранъ отольетъ по ней бронзовую статую, и художникъ Бариновъ приглотитъ пьедесталь, то будетъ возможно весною 1870 года, когда въ Кронштадтѣ скверъ адмирала Беллинсгаузена оживится зеленью, украситъ это мѣсто его монументомъ. Нашъ достойный мореплаватель будетъ изображенъ во весь ростъ, въ вицъ-мундирѣ гвардейскаго экипажа, съ трубою въ лѣвой рукѣ, какъ онъ ее носилъ; правою же рукою онъ придерживаетъ на глобусѣ русскій военный флагъ, касающійся открытыхъ имъ въ южномъ полушаріи полярныхъ земель, названныхъ имъ же: «островъ Петра I» и «берегъ Александра I».

На пьедесталѣ будетъ: съ лицевой стороны, подъ бронзовымъ гербомъ адмирала, надпись: «Нашему полярному мореплавателю, адмиралу Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену. Отъ его почитателей и сослуживцевъ».

МДСССLXX.

а съ противоположной стороны бронзовый барельефъ, (*) изображающій эпизодъ изъ его путешествій, именно: Шлюпъ «Востокъ» между ледяными массами южнаго полярнаго моря съ 1-го июня 1819 по 16 августа 1821 года.

IV.

11 сентября 1870 года послѣдовало въ Кронштадтѣ торжественное открытіе памятника бывшему Главному Командиру Кронштадтскаго порта, Адмиралу Фаддею

(*) Былъ въ проэктѣ, но въ натурѣ не выполненъ.

Оаддеевичу Беллингсгаузену. Великолѣпная погода, присутствіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Генераль - Адмирала и массы народа, наполнявшія скверъ и Екатерининскую улицу, придали особенный блескъ этому торжеству, въ которомъ моряки и жители Кронштадта принимали живѣйшее участіе.

Великій Князь прибылъ въ Кронштадтъ въ 10 часовъ утра, на паровой яхтѣ «Стрѣльна», подъ брѣйдымпеломъ Его Высочества. За нѣсколько минутъ до прибытія Великаго Князя, пришелъ изъ Петербурга колесный пароходъ «Онега» съ ротой гвардейскаго экипажа, со знаменемъ и хоромъ музыки. Вмѣстѣ съ гвардейцами прибылъ и командиръ экипажа, свиты Его Императорскаго Величества контръ - адмиралъ Перелешинъ. На пристани Великаго Князя ожидали: исправляющій должность главнаго командира генераль-адъютантъ С. С. Лесовской, первый комендантъ адмиралъ Шулепниковъ, начальникъ штаба, начальники частей портоваго управленія и экипажные командиры. Съ Его Высочествомъ прибыли: главный командиръ с. - петербургскаго порта вице - адмиралъ Воеводскій, начальникъ броненосной эскадры генераль-адъютантъ Бутаковъ, директоръ инспекторскаго департамента контръ - адмиралъ баронъ Таубе, свиты Его Императорскаго Величества контръ - адмиралъ Поповъ и адъютанты Его Высочества капитанъ-лейтенантъ Лазаревъ и лейтенантъ Сѣмечкинъ. Съ пристани Великій Князь направился сначала къ па-

мятнику, который былъ осмотрѣнъ съ большою подробностью, а потомъ въ занимаемое имъ помѣщеніе въ домѣ главнаго командира. Въ это время на Екатерининской улицѣ и на площади противъ гауптвахты оканчивались послѣднія приготовленія къ предстоящему торжеству. Войска были выстроены вдоль сквера, при двухъ хорахъ музыки и георгіевскихъ знаменахъ гвардейскаго и 2-го флотскаго экипажа. Около памятника, роскошно убраннаго тропическими растеніями, развѣвались на трехъ врытыхъ въ землю брамъ-стеньгахъ три громадной величины флага: главнаго командира порта, гвардейскаго экипажа и полнаго адмирала. Скверъ наполнился публикой, а близъ самаго памятника собирались: духовенство военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, имѣя во главѣ благочиннаго протоіерея П. П. Строкина, адмиралы, генералы, штабъ и оберъ офицеры флота и арміи, находящіеся въ Кронштадтѣ, и почетные гости, прибывшіе изъ Петербурга на паровой яхтѣ «Нева» и пароходѣ «Петербургъ», въ числѣ которыхъ находились: вдова покойнаго адмирала Анна Дмитриевна Беллингсгаузенъ, его дочь—Елизавета Оаддеевна Гершау, ея мужъ и племянницы адмирала, П. И. Баженова, г-жа Зенкова и дѣвица Сукни. Тутъ же находились: членъ государственнаго совѣта генераль-адъютантъ графъ Ф. П. Литке, председатель главнаго военно-морскаго суда адмиралъ И. П. Епанчинъ, председательствующій въ комитетѣ по постройкѣ памятника вице-адмиралъ О. Д. Нордманъ, директоръ гидрогра-

фическаго департамента вице-адмиралъ С. И. Зеленой, члены комитета по постройкѣ памятника, многіе адмиралы и генералы, и другія лица, принимавшія участіе какъ въ сооруженіи памятника, такъ и въ подпискѣ, состоявшейся по этому случаю.

Ровно въ 1 часъ къ войскамъ, расположеннымъ по Екатерининской улицѣ, прибылъ Его Императорское Высочество Великій Князь Генералъ - Адмиралъ, съ исправляющимъ должность главнаго командира и своею свитою. Его Высочество обошелъ ряды, поздоровался съ войсками и направился затѣмъ къ памятнику, гдѣ ожидало его духовенство въ полномъ облаченіи. Началось молебствіе, по окончаніи котораго, послѣ провозглашенія многолѣтія Государю Императору и цѣлованія креста, начался салютъ флагу адмирала 15-тью выстрѣлами, извѣстившій всѣмъ, что памятникъ адмиралу Оаддею Оаддеевичу Беллингегаузену открытъ и что такимъ образомъ увѣковѣчена память нашего знаменитаго мореплавателя и человѣка, которому нашъ городъ обязанъ многими благотворительными учрежденіями и тѣми неунынными попеченіями и заботами, которыми пользовались наши граждане въ теченіи многихъ лѣтъ.

По окончаніи Богослуженія, Его Высочество нѣкоторое время оставался въ скверѣ, около памятника, обращаясь съ молостивыми словами къ членамъ семейства покойнаго адмирала, къ членамъ комитета по сооруженію памятника и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, находившимся тутъ. Въ числѣ прочихъ Его Император-

ское Высочество обратилъ милостивое свое вниманіе на отставнаго контръ-адмиралъ Р. А. Адамса, служившаго 51 годъ тому назадъ мичманомъ въ одной изъ самыхъ трудныхъ экспедицій покойнаго адмирала Беллинсгаузена къ южному полюсу. Затѣмъ Великій Князь вышелъ изъ сквера и остановился передъ войсками, которыя, построившись по-взводно, лицомъ къ собору, прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника.

По отѣздѣ Его Высочества почти всѣ находившіяся тутъ почетныя лица направились на Лютеранское кладбище къ украшенной цвѣтами могилѣ адмирала. Здѣсь лютеранскимъ пасторомъ, г-номъ Боссе, была сказана небольшая, но весьма трогательная рѣчь, послѣ которой была прочитана молитва по уставу лютеранской церкви.

Въ началѣ 3-го часа, всѣ почетныя лица присутствовавшія при открытіи и петербургскіе гости, посѣтившіе Кронштадтъ, собрались въ домъ главнаго командира къ завтраку, на который пригласили ихъ генералъ-адъютантъ С. С. Лесовской и супруга его, Софія Александровна. Самъ хозяинъ дома не могъ присутствовать на этомъ завтракѣ, такъ какъ онъ долженъ былъ сопровождать Великаго Князя, который, желая воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Кронштадтѣ, хотѣлъ осмотрѣть нѣкоторые суда въ гавани, паровой заводъ и вновь строящіеся доки.

На этомъ завтракѣ, не имѣвшемъ никакого офи-

ціального характера и представлявшемъ собою рѣдкое собраніе семьи моряковъ различныхъ поколѣній и возрастовъ, вице-адмиралъ О. Д. Нордманъ, председатель комитета по сооруженію памятника, по просьбѣ хозяйки дома С. А. Лесовской, попросивъ извиненія у всѣхъ присутствовавшихъ въ неприготовленности своей рѣчи, сказалъ нѣсколько словъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ:

«Два года и восемь мѣсяцевъ тому назадъ составлена была однимъ изъ здѣсь присутствующихъ записка, въ которой было выражено желаніе узнать, примется ли во флотъ подписка на постановленіе въ Ораніенбаумѣ бюста покойнаго адмирала О. О. Беллингегаузена? Двадцать подписей подтвердили это робкое предложеніе. Высшее морское начальство съ участіемъ одобрило оное. А нашъ Всемилостивѣйшій Государь Императоръ соизволилъ приказать дать этому дѣлу ходъ.

«Небогатое денежными средствами, но богатое единоплеменіемъ, морское общество отъ Балтики до Амура, подкрѣпленное участіемъ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ и цѣнителей полезной для науки службы нашего покойнаго адмирала, поднесло свою лепту. Откликъ на подписку 500 лицъ сдѣлалъ возможнымъ, вмѣсто предполагавшагося первоначально бюста адмирала въ Ораніенбаумѣ, въ учрежденномъ имъ богоугодномъ заведеніи для больныхъ матросъ, поставить ему памятникъ въ Кронштадтѣ, въ устроенномъ имъ для гулянья скверѣ. Въ числѣ подписчиковъ блеснулъ одинъ мо-

рякъ, приславшій намъ 1000 руб. (*) и своимъ вліяніемъ доставившій намъ и вторую тысячу. Отклинулся также изъ Самары одинъ изъ бывшихъ лейтенантовъ этой за 50 лѣтъ тому назадъ бывшей экспедиціи.

«Встрѣчая всюду участіе къ нашему предпріятію, Считаю себя счастливымъ дожить до того дня, когда Государь Великій Князь Генераль-Адмираль своимъ Высокимъ присутствіемъ далъ дню открытія памятника торжественное значеніе.

«Памятникъ готовъ, онъ буквально погруженъ въ цвѣты и деревья, которыми всегда адмираль занимался съ особенною любовью. Три флага, которые въ разные времена надъ нимъ развѣвались, изъ коихъ одинъ во льдахъ Полярнаго моря, лебѣютъ сегодня своего любимца. Эти почетные символы нашей опасной морской службы принадлежать одному флоту, провожаютъ нашихъ почетныхъ ветерановъ до ихъ могилы и вынѣ украшаютъ послѣ 18-ти лѣтъ скверъ адмирала, который, по словамъ извѣстаго географа Петерманна, во время своей полярной и кругосвѣтной экспедиціи обследовалъ громадное пространство поверхности земнаго шара, доходящее до 214000 квадратныхъ географическихъ миль.

«Пусть памятникъ этотъ, воздвигнутый доброжелательствомъ почитателей и сослуживцевъ, послужитъ юному поколѣнію ясенѣйшимъ доказательствомъ того, что моряки всегда съумѣютъ цѣнить истинныя заслуги своихъ достойныхъ предшественниковъ.»

(*) Капитанъ 1 ранга Н. М. Чичачевъ.

Завтракъ былъ конченъ около 4-хъ часовъ и присутствовавшіе стали разъѣзжаться. Въ половинѣ пятого паровая яхта «Нева» и велѣдъ за нею пароходы «Славянка» и «Ястребъ» направились обратно въ Петербургъ съ семействомъ покойнаго адмирала *О. О. Беллингсгаузена* и почетными лицами, пріѣзжавшими на открытіе памятника.

Вечеромъ въ скверѣ около памятника играли два хора музыки и гуляла публика, любуясь новымъ украшеніемъ нашего города, впервые освободившемся отъ покрывавшихъ его завѣсь. Со всѣхъ сторонъ слышались похвалы прекрасной работѣ и отдѣлкѣ статуи и пьедестала. Въ заключеніе нашего очерка мы считаемъ долгомъ назвать имена артистовъ, принимавшихъ участіе въ его сооруженіи: фигура статуи сформирована профессоромъ скульптуры *И. И. Шредеромъ*, отливка произведена *г. Моранъ*, рисунокъ пьедестала и чертежи фундамента исполнены архитекторомъ *И. А. Монигети*, гранитныя работы пьедестала исполнены художникомъ *Бариновымъ*.

V.

Прошло около двухъ недѣль со дня открытія памятника *О. О. Беллингсгаузену*. Событіе это, отпразднованное съ приличнымъ торжествомъ и описанное въ свое время съ достаточною подробностію, не успѣло еще изгладиться изъ памяти его участниковъ и свидѣтелей. Напротивъ, оно вызвало много воспоминаній среди

нашихъ моряковъ и дало обильную пищу рѣчамъ и разговорамъ. Имя Беллингсаузена дорого морякамъ и нашему городу, который многимъ ему обязанъ; вотъ почему и самое торжество имѣло чисто-мѣстный характеръ. Изъ Петербурга, кромѣ немногихъ моряковъ, почти никто не присутствовалъ при открытіи памятника: это можно приписать отчасти незнанію, такъ какъ объ открытіи памятника не было заблаговременно объявлено въ газетахъ, а еще болѣе равнодушію русскихъ людей къ славѣ своихъ знаменитостей,—равнодушію, за которое справедливо порицають насъ иностранцы. Давно-ли мы надумались поставить памятники Богдану Хмѣльницкому, Крузенштерну и нашему извѣстному композитору Глинкѣ? Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что нашлись люди, которые спрашиваютъ: кто-такой былъ Беллингсаузенъ? чѣмъ онъ прославилъ себя? Его заслуги, конечно, на столько спеціальны, что не могутъ быть извѣстны каждому. Скажите петербургскому жителю, что вотъ былъ русскій морякъ, который во время своей полярной и кругосвѣтной экспедиціи изслѣдовалъ пространство въ 214000 кв. географическихъ миль, что онъ открылъ 29 острововъ, что его суда прошли до 50000 миль и доходили почти до 70° южной широты: петербургскій житель не выразитъ ни малѣйшаго удивленія и развѣ спроситъ: а эти острова намъ принадлежать? И когда вы скажете, что нѣтъ и что русскимъ тѣмъ не менѣе принадлежитъ честь откры-

тія этихъ острововъ, онъ, быть можетъ, улыбнется, вспомнивъ богатія колоніи европейцевъ. Напрасно вы станете увѣрять его, что русскихъ моряковъ нельзя сравнивать съ мореплавателями другихъ націй, которые, открывая новыя земли, тотчасъ покорили ихъ оружіемъ и такимъ образомъ завладѣли лучшими странами въ мірѣ, прежде чѣмъ русскимъ удалось совершить съ Крузенштерномъ первое кругосвѣтное плаваніе. Въ исторіи морскихъ открытій русскимъ морякамъ выпала другая и притомъ болѣе трудная роль: описывать и изслѣдовать полярныя страны, и притомъ не изъ промышленныхъ и торговыхъ расчетовъ, а съ чисто-научною цѣлю. Г. Скальковскій (*), пользуясь книгою Гартвига «Природа на дальнемъ сѣверѣ», насчитываетъ болѣе двадцати именъ безстрашныхъ русскихъ моряковъ, геройское самоотверженіе которыхъ превозмогало неимоверныя трудности полярнаго плаванія, и предлагаетъ знаменитѣйшимъ изъ нихъ поставить общій памятникъ. Эта мысль заслуживаетъ полного сочувствія, и при осуществленіи ея, безъ сомнѣнія, болѣе всего будутъ приняты во вниманіе научные результаты, добытые той или другой экспедиціей, такъ какъ одно самоотверженіе, въ силу несчастныхъ случайностей или другихъ причинъ, бываетъ иногда бесплодно, сохраняя за собою лишь цѣну нравственнаго подвига.

(*) См. его статью въ № 256 «С.-Петербургск. Вѣдомост.» 1870 г.

Г. Скальковскій по случаю открытія памятника Беллингегаузену говорить, что покойный адмиралъ былъ хорошій морякъ и хорошій человѣкъ, а фельетонистъ «Голоса» подхватилъ послѣднее выраженіе и съ остроуміемъ, достойнымъ лучшей цѣли, позволилъ себѣ поглумиться надъ тѣмъ, что памятникъ поставленъ хорошему человѣку. Мы съ своей стороны можемъ только сказать, что Беллингегаузенъ былъ не только хорошій морякъ и хорошій человѣкъ, но и хорошій губернаторъ, а это на Руси большая рѣдкость. Чтобы имѣть понятіе объ его губернаторской дѣятельности и оцѣнить его заслуги въ этомъ отношеніи, достаточно познакомиться съ небольшою, но прекрасной статьей г. Нордмана, года три тому назадъ помѣщенной въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» (*).

Говорятъ, Беллингегаузенъ былъ нѣмецъ. По словамъ г. Скальковскаго, при самомъ открытіи памятника слышалось въ толпѣ, будто-бы и самый памятникъ поставленъ нѣмцами, сложившимися для этой цѣли. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ можно довѣрять г. Скальковскому, такъ какъ разговоръ очень часто вводится въ описанія, имѣющія фельетонный характеръ, съ чисто-литературной цѣлью. Нѣтъ надобности опровергать подобную выдумку, чья бы она ни была — какъ рѣшительно ни на чемъ не основанную; всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ шла подписка. По среди

(*) Она приведена здѣсь первою.

друзей славянства и враговъ нѣмечины дѣйствительно есть люди, которые готовы рвать на себѣ волосы съ досады, что памятникъ поставленъ нѣмцу. Мы можемъ успокоить ихъ ретивость и избавить ихъ отъ комическаго негодованія, совершенно напраснаго. По словамъ самаго г. Скальковскаго, Беллингсгаузенъ говорилъ понѣмецки плохо, да и женатъ былъ на русской. Мало того: есть свидѣльство, что Беллингсгаузенъ совсѣмъ не зналъ понѣмецки. Я заимствую его изъ записокъ Погодина объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ и привожу съ буквальною точностію (*):

Однажды Государь Николай Павловичъ, говоритъ Погодинъ, взялъ Ермолова вмѣстѣ съ Паскевичемъ въ Кронштадтъ.

Ихъ встрѣтилъ старый адмиралъ Беллингсгаузенъ. До тѣхъ поръ Ермоловъ не былъ съ нимъ знакомъ.

— «Предъ вами стоитъ обладатель острова на Тихомъ Океанѣ», сказалъ ему Алексѣй Петровичъ вмѣсто привѣтствія.

Островъ этотъ былъ открытъ Беллингсгаузенемъ и названъ имъ островомъ Ермолова.

— «Вы-то меня не знали, отвѣчалъ ему адмиралъ, — а я-то васъ давно ужъ знаю».

Беллингсгаузенъ, — прибавляетъ отъ себя Погодинъ — не смотря на свою нѣмецкую фамилію, *ни слова не*

(*) Историко-критическія отрывки Погодина т. II стран. 491.

зналъ понѣмецки и очень сошелся съ Ермоловымъ.

Могъ-ли-бы онъ сойтись съ человѣкомъ, который по душѣ и характеру былъ чисто русскій? Впрочемъ, если-бы Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллингегаузенъ и по рожденію, и по характеру, и по языку, а не по фамиліи только, былъ кровный нѣмецъ, то, припоминая его заслуги, можно только радоваться, что не какая нибудь партикулярная Лифляндія и не Gesamt-Vaterland, а Россія была для него той страной, на служеніе которой онъ посвятилъ всѣ свои силы.

2007079510